

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY

DOI: 10.31249/rsm/2022.01.09

А.Л. Юрганов

БОРЬБА С «ПРАВЫМ УКЛОНОМ» В 1928 г. И САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «КРОКОДИЛ»

Аннотация. В статье анализируется взаимосвязь официальной пропаганды и массового сознания, представленного картинками и очерками многотиражного сатирического журнала «Крокодил». Сатирические материалы показывают, что кампания по борьбе с «правой опасностью» была непонятной, внушала безотчетный страх перед властью, насаждавшей в обществе мысль, что привычные и давно известные взгляды на новую экономическую политику следует рассматривать как «уклон» вправо от «генеральной линии» партии. Отношение к «правому уклону» в 1928 г. – это история становления идеологического подавления, когда любое несоответствие с «генеральной линией» начали трактовать как «колебание», «шатание». Борьба с правыми в 1928 г., еще до того, как Сталин в начале 1929 г. поименно назвал тех, кто, по его мнению, составляет «платформу» правых, предполагала идеологическую работу среди «шатающихся» коммунистов. Эта ситуация позволяла также иметь «оттенки» мнений, не совпадающих с «коллективным мнением» ЦК партии. Будущие «правые», Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский, тоже боролись с уклоном вправо в 1928 г., однако были не согласны со Сталиным, принявшим курс на индустриализацию страны за счет фактического ограбления крестьянства, о чем было заявлено на июльском пленуме ЦК партии в 1928 г. Сталин создавал идеологическую машину подавления, не дававшую человеку в условиях утвердившейся однопартийной системы право иметь «свое мнение», отличное от мнения генерального секретаря партии. Все уклоны, «правый», «левый», «примиренческий», были способом морально подавить не только рядового члена партии, но даже одного из главных теоретиков новой экономической политики – Бухарина.

Ключевые слова: И.В. Сталин; Н.И. Бухарин; «правая опасность»; «правый уклон»; А.И. Рыков; индустриализация; кулак; коллективизация; журнал «Крокодил».

Юрганов Андрей Львович – доктор исторических наук,
профессор, Российский государственный гуманитарный
университет (РГГУ). Россия, Москва.
E-mail: Iurganov@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: ABF-7584-2020

Yurganov A.L. The struggle against the «right-wing» in 1928 and the satirical magazine «Crocodile»

***Abstract.** This article examines the relationship between official propaganda and the mass consciousness represented by the pictures and essays of the satirical magazine «Crocodile», which came out in huge circulations. The attitude toward the «right-wing» in 1928 is the story of the formation of the Stalinist ideological suppression machine, in which any disagreement with the «general line» is interpreted as «vacillation» and «vacillation». The struggle with the right-wing in 1928, even before Stalin named those who in his opinion constituted the «platform» of the right-wing in early 1929, involved ideological work among the «wobbly» Communists. But this situation still allowed for «shades» of opinion that did not coincide with the «collective opinion» of the party Central Committee. The future «rightists» – N.I. Bukharin, A.I. Rykov, M.P. Tomsky – also struggled with a right-wing bias in 1928, but they could not agree with Stalin, who adopted a course for the industrialization of the country at the expense of the actual robbery of the peasantry, as announced at the July 1928 plenum of the Party Central Committee. Stalin created an ideological machine of suppression, which did not give a person in the conditions of the established one-party system the right to have «his own opinion», different from the opinion of the Party Secretary-General: all the slopes, «right», «left», «reconciliation» was a way to morally suppress not only an ordinary party member but even one of the main theorists of the new economic policy – Bukharin.*

***Keywords:** Stalin; Bukharin; «right-wing» danger; rightist deviation; A.I. Rykov; industrialization; kulak; collectivization; «Crocodile» magazine.*

**Yurganov Andrey Lvovich – Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian State University for the Humanities (RGGU). Russia, Moscow.**

E-mail: iurganov@yandex.ru

Web of Science Researcher ID: ABF-7584-2020

В исторической публицистике нередко можно встретить утверждение, что борьба с «правым уклоном» в партии большевиков началась в 1929 г. Отчасти это так, хотя на самом деле ситуация была гораздо сложнее. Боролись с «правым уклоном» и раньше. «Правую опасность» даже называли «уклоном» [Анфертьев 2020] еще до выступления Сталина в самом начале 1929 г. на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б), где он объявил о существовании «особой группы Бухарина в составе Бухарина, Томского, Рыкова». При этом Сталин заявил: об этом «ничего не было известно партии». Платформа «правых» противостоит партии! «Она требует, во-первых, – вопреки существующей политике партии – снижения темпа развития нашей индустрии, уверяя, что нынешний темп развития индустрии является “гибельным”. Она требует, во-вторых, – тоже вопреки партии – свертывания строительства совхозов и колхозов, утверждая, что колхозы и совхозы не играют и не могут играть серьезной роли в развитии нашего сель-

ского хозяйства. Она требует, в-третьих, – тоже вопреки политике партии – установления полной свободы частной торговли и отказа от регулирующей роли государства...» [Сталин 1949, с. 318].

Н.И. Бухарин, А.И. Рыков и М.П. Томский были активными участниками борьбы с правой опасностью и правым уклоном в 1928 г. Как же они понимали борьбу с правым уклоном до выступления Сталина в начале 1929 г.?

Редакция журнала «Крокодил» также не знала в 1928 г., что в начале следующего года Сталин объявит правыми уклонистами борцов с правым уклоном. Что же тогда высмеивал сатирический журнал в 1928 г., когда нужно было критиковать правую опасность? О чем говорили в партии до начала 1929 г., когда еще не названа была поименно «фракция правых»? Кого имели в виду под «правыми» до сталинского поворота в политике?

А.И. Рыков, выступая на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) в 1928 г., приводил в качестве примера «правой опасности» письмо бывшего троцкиста Я.М. Шатуновского, который писал Л.Д. Троцкому о том, что не надо опережающими темпами возводить Днепрострой. Рыков говорил: «Шатуновских много. Такого рода идеи с ростом затруднений будут усиливаться» [Как ломали нэп 2000 и, с. 50].

Рыков считал, что, перекачивая средства из сельского хозяйства на подъем тяжелой промышленности, нельзя чрезмерно задевать интересы крестьянина-середняка. Трудности экономики не могут не влиять на сознании людей и на настроениях в партии. Отсюда – колебания.

«То, что теперь именуется правым уклоном, связано с тем, что в условиях хозяйственных затруднений политические настроения враждебных нам классовых групп получают некоторый резонанс в шатаниях буржуазии и отдельных прослоек рабочего класса» [Как ломали нэп 2000 в, с. 49].

Правый уклон – это «шатания». Но шатания и всякие колебания – это еще не «платформа», а скорее неуверенность в успехе резкого подъема промышленности в условиях крайне отсталого сельского хозяйства. Рыков попытался отличить правый уклон в духе Шатуновского от троцкизма. Он поставил вопрос так: «...является ли правый уклон уклоном внутри партии или он должен быть отсечен от партии? Я лично понимаю так, что это есть уклон внутри партии» [Как ломали нэп 2000 в, с. 50].

Если уклон можно исправить, то троцкизм решениями съездов и Коминтерна «признан внепартийным политическим течением». С троцкизмом идет борьба, как сказал Рыков, «всеми мерами», а «шатания» – это только колебания: они понятны в условиях хозяйственного кризиса. Поэтому нужды действовать «в духе отсечения» нет. В подтверждение своей мысли он сослался на мнение Генерального секретаря ЦК ВКП(б): «На это указывал и т. Сталин, говоря, что в ЦК есть и могут быть оттенки примиренчества и правого уклона» [Как ломали нэп 2000 в, с. 51].

Ставка на кулака в сельском хозяйстве – главный элемент «правой опасности», о которой говорили на пленуме. Но вот что интересно: руководящие работники страны жили в мире социальных неопределенностей, и сами это признавали. Н.А. Милютин, например, спрашивал: «Что такое кулак и что такое зажиточный?» Он цитировал Рыкова, говорившего: «...совершенно неправильной является попытка противопоставлять зажиточного богатого крестьянина кулаку. Вести дискуссию в таком разрезе – значит заниматься схоластикой. Точной грани здесь провести невозможно» [Как ломали нэп 2000 в, с. 112].

Милютин пытался возражать: «...начинают говорить: маломощный кулак, середняк-кулак и богатый кулак (смех). Позвольте, когда это мы дифференцировали кулака?» [Как ломали нэп 2000 в, с. 113].

Однако на ноябрьском пленуме как раз и стали обсуждать категориальные оттенки крестьянства. В.В. Ломинадзе цитировал слова Н.А. Кубяка, заявившего, что нужно помогать «маломощному кулаку». И добавлял: «Тут на пленуме шутят, что скоро мы будем говорить о зажиточной верхушке середняцкого кулачества. Это вносит сумятицу, эти новые термины и облегчают некоторым товарищам, склонным к оппортунизму, выделять особую группу “маломощных” кулаков, по отношению к которым у партии должна быть особая, иная политика» [Как ломали нэп 2000 в, с. 237].

Глубинная неспособность определить разницу между богатым середняком и маломощным кулаком, нежелание «дифференцировать» кулака породили пространство для манипуляций: ведь если нельзя установить разницу между категориями крестьянства в политическом дискурсе, то и обвинить можно, основываясь на этих неопределенностях кого угодно и в чем угодно.

Рыков не был способен на подобные ухищрения в борьбе с правой опасностью, он мыслил по-другому, рационально. На ноябрьском пленуме он пояснил, как определяется им «правый уклон»: «Уклон получится в том случае, если мы пятилетний план составим так, что его характерной чертой будет являться импорт готовых товаров из-за границы вместо развития промышленности нашей страны. Если ввоз готовых товаров возвести в принцип, на нем построить политическую платформу, то это будет, несомненно, правый уклон» [Как ломали нэп 2000 в, с. 52].

Итак, выступавшие на пленуме были солидарны в том, что правая опасность, действительно, находится «внутри партии», ее следует преодолевать идеологической борьбой, понимая, что «мелкобуржуазная стихия» в правом уклоне не создает на данном этапе устойчивого сопротивления решениям Центрального Комитета.

Об этом говорил С.В. Косиор. Споря с Рыковым, он одновременно и соглашался с ним, утверждая, что правый уклон не составляет платформу. Само слово «уклон» он объяснял словами Ленина, что это «еще нечто неоформленное и неопределившееся, но такое, от чего уже сейчас же, немед-

ленно, партию нужно предостеречь, чему нужно дать принципиальный отпор» [Как ломали нэп 2000 б, с. 118].

Троцкизм вне партии – это оформившаяся контрреволюция. Правый уклон – идейное шатание, от которого нужно освободиться. Сама страна во многом крестьянская, мелкобуржуазная, и чтобы строить социализм, следует бороться с классовым врагом [Как ломали нэп 2000 б, с. 119].

В том же духе говорил и Ф.И. Голощёкин, но он акцентировал внимание на том, что оппортунистический правый уклон ничем не лучше, чем неприкрытый троцкизм.

Ф.Г. Леонов не соглашался с Рыковым в отношении Шатуновского, считая его настоящим троцкистом. Но он так же, как Рыков, считал, что правый уклон это – «оппортунистическое болото» в партии [Как ломали нэп 2000 б, с. 148]. Находясь в нем, хочется «легко жить, более плавно двигаться вперед, не встречая отчаянного сопротивления классовых врагов...» [Как ломали нэп 2000 б, с. 149].

Леонов говорил: «Правый уклон имеется не в виде оформившейся организации, и задача заключается не в том, чтобы с этими правыми бороться такими же репрессивными мерами, как мы в значительной степени уже давно и сейчас можем бороться с троцкистами. Задача заключается, главным образом, в идеологической борьбе, в борьбе за отвоевывание и широких слоев рабочего класса, и нашей партии...» [там же].

Сталин также выступил на ноябрьском пленуме ЦК. Он говорил о правом уклоне, как о «линии приспособления нашей политики ко вкусам и потребностям “советской” буржуазии» [Как ломали нэп 2000 б, с. 214].

Как и другие выступавшие на пленуме, он не согласился с Рыковым в том, что Шатуновский – выразитель правого уклона в партии. Нет, выразитель не он! Для Сталина такой фигурой стал видный экономист М.И. Фрумкин, который, кстати, не только присутствовал на Пленуме, но и выступал. Сталин напомнил, что Фрумкин написал ему первое письмо 28 июня 1928 г., а затем второе письмо в ноябре 1928 г. Второе письмо было роздано членам ЦК и ЦККК для ознакомления.

Сталин демонстрировал зомбирующую логику опровержения. Ключевой прием такой логики – многократное утверждение «ясно, что...». Вдалбливая «ясности», которые менее всего могут быть доказаны, Сталин переходил к фазе утверждения положительных тезисов. Вот как это делалось в 1928 г.

Опровержение первого письма Фрумкина: «Возьмем “основные положения” первого письма. “Деревня, за исключением небольшой части бедноты, настроена против нас”. Верно ли это? *Ясно, что неверно.* Если бы это было верно, то у нас не осталось бы даже воспоминания от смычки. А ведь с июня месяца (письмо писано в июне) прошло уже почти полгода, и всякий, кто только не слеп, видит, что смычка рабочего класса и основных масс крестьян

янства остается и крепнет. Для чего пишет тов. Фрумкин эту несообразность? Для того, чтобы попугать партию и сделать ее уступчивой в отношении правого уклона.

“Установка, взятая в последнее время, привела основные массы середняка к беспросветности, к бесперспективности”. Верно ли это? Совершенно неверно. *Ясно, что* если бы мы весной этого года имели хозяйственную беспросветность и бесперспективность основных масс середняка, середняк не расширял бы ярового клина во всех главных районах хлебного производства. Когда у нас бывают яровые посевы?» [Как ломали нэп 2000 б, с. 214].

По второму письму Фрумкина: «Чем отличается второе письмо от первого? Тем, что оно усугубляет ошибки первого письма. В первом письме говорилось о бесперспективности середняцкого хозяйства. А во втором говорится о “деградации” сельского хозяйства. В первом письме говорится о том, чтобы вернуться к XIV съезду в смысле ослабления наступления на кулака. Во втором же письме говорится о том, что “мы не должны мешать производству кулацких хозяйств”. В первом письме ничего не сказано о промышленности. А второе письмо развивает “новую” теорию о том, чтобы давать поменьше на промышленное строительство. Впрочем, есть два пункта, по которым оба письма сходятся: насчет колхозов и совхозов, – и там и здесь тов. Фрумкин высказывается против развертывания колхозов и совхозов. *Ясно, что второе письмо* есть усугубление ошибок первого письма. О теории “деградации” я уже говорил. Не может быть сомнений, что эта теория есть измышление буржуазных спецов, готовых кричать о гибели советской власти. Тов. Фрумкин дал себя запугать буржуазным спецам, ютящимся около Наркомфина, а теперь сам пытается попугать партию, желая сделать ее уступчивой в отношении правого уклона» [Как ломали нэп 2000 б, с. 215].

Сталин говорил, что самыми левыми и по-настоящему левыми без кавычек являются ленинцы. Троцкисты, будучи по своей природе мелкобуржуазным течением, не являются левыми по своей сути, и выражают собой в конечном счете сущность правых – мелкобуржуазных реставраторов капитализма. Нужна борьба на два фронта, как против «левого», так и против правого уклонов. Сталин утверждал: «мы, ленинцы, не “левые” и не правые в своей собственной партии... мы боремся в своей партии не только с теми, кого мы называем открыто оппортунистическими уклонистами, но и с теми, которые хотят быть “левее” марксизма, “левее” ленинизма, прикрывая левыми трескучими фразами свою правую оппортунистическую природу. Всякий поймет, что когда людей, не освободившихся еще от троцкистских тенденций, называют “левыми”, то это надо понимать иронически. Ленин называл “левых коммунистов” левыми, иногда в кавычках, иногда без кавычек. Но всякий поймет, что левыми называл их Ленин иронически, подчеркивая этим, что левые они только на словах, по видимости, а на деле представляют мелкобуржуазные правые тен-

денции. О какой левизне (без кавычек) троцкистских элементов может быть речь, если они вчера еще объединялись в едином антиленинском блоке с открыто оппортунистическими элементами, смыкаясь прямо и непосредственно с антисоветскими слоями страны? Разве это не факт, что мы вчера еще имели открытый блок “левых” и правых против ленинской партии при несомненной поддержке этого блока со стороны буржуазных элементов? И разве это не говорит о том, что они, “левые” и правые, не могли бы объединиться в едином блоке, если бы у них не было общих социальных корней и если бы они не имели общую оппортунистическую природу?» [Как ломали нэп 2000 в, с. 218].

«Правый уклон» Сталин определял так: «Уклон вправо – это нечто такое, что еще не вылилось в оппортунизм и что можно исправить. Поэтому нельзя отождествлять уклон вправо с законченным оппортунизмом» [Как ломали нэп 2000 в, с. 220].

С разными вариациями, но практически все выступавшие на ноябрьском пленуме ЦК партии утверждали, что «правый уклон» – идеологическая опасность, она не оформилась во фракцию, не создала платформу, как это сделала «левая» оппозиция Троцкого.

На протяжении всего 1928 г. в тех или иных очерках сатирического журнала «Крокодил» упоминался «правый уклон», но без каких-либо пояснений о том, что это такое. Писали со страхом, как об опасном обвинении, которое никто не может объяснить, но все знают – это очень плохо. Никакой персонализации правого уклона не было, тогда как левый уклон все называли «троцкизмом». До ноября 1928 г. словосочетание «правый уклон» скорее пугало, чем объясняло суть вещей. В ноябрьских номерах журнала, после Пленума ЦК партии, стали возникать контуры более определенные, хотя по-прежнему «правый уклон» никак не был персонафицирован.

Журнал «Крокодил» не знал, какую речь произнесет Сталин в начале 1929 г., но это не свидетельствует о том, что журнал был в полном неведении относительно того, как разворачивается борьба в партии. Напротив, едва ли не в каждой публикации на тему «правого уклона» в конце года, мы видим глубокую информационную связь изображений и готовившихся решений.

Сатирические картинки журнала «Крокодил» как бы предвосхищают события развязки борьбы.

Рассмотрим несколько картинок, опубликованных в конце года, чтобы, сравнивая их, уловить семантическую связь в идеологической атаке.

Первая картинка была опубликована в ноябре 1928 г. в 42 номере журнала «Крокодил» (рис. 1). На ней изображено то, что было «общим местом» в рассуждениях большевиков о социальной природе «правого уклона», как о «мелкобуржуазной стихии»: стремлении обустроить частную жизнь человека, не занимаясь «сверхиндустриализацией», которую когда-то исповедовал Троцкий, а теперь в несколько ином виде предлагал Сталин.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

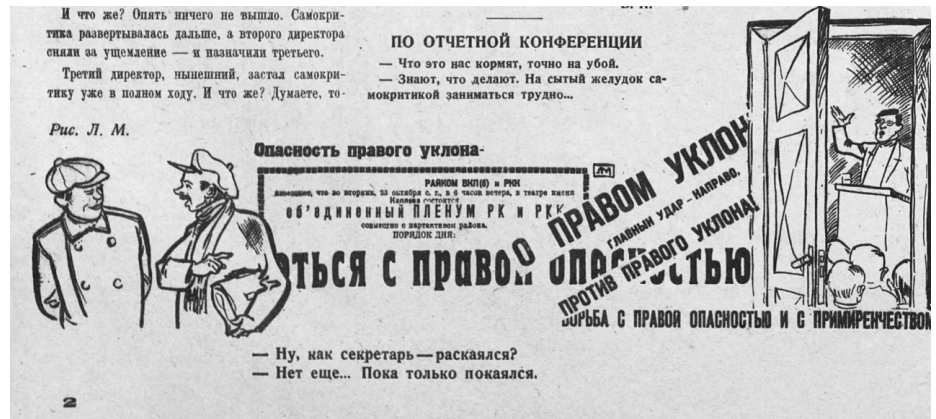

Рис. 1. «Крокодил». 1928. № 42

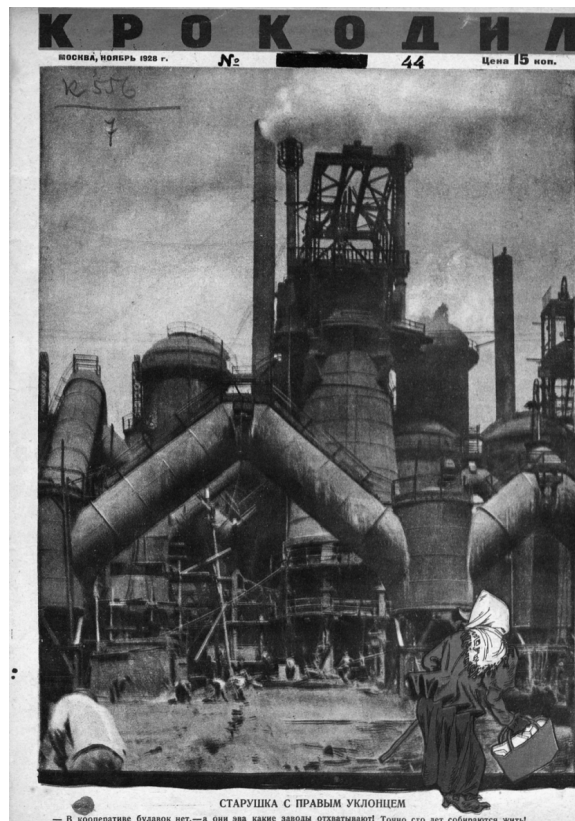

Рис. 2. «Крокодил». 1928. № 44

Старуха, изображенная в цвете, воплощает мелкобуржуазную стихию. Она думает о ничтожных вещах: «В кооперативе булавок нет, а они эва какие заводы отхватывают! Точно сто лет собираются жить!». Для изображения гигантской стройки использовано документальная черно-белая фотография. «Старость» мелкобуржуазного мира, изжившая себя в «правом уклоне», противопоставлена молодости строителей новой жизни (рис. 2).

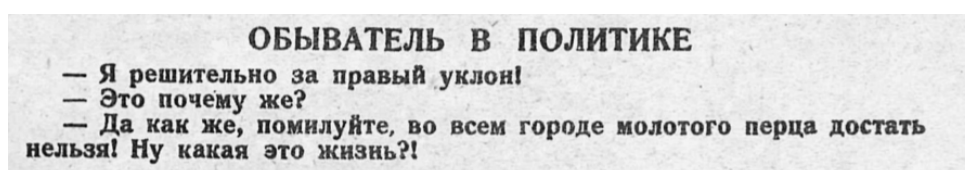

Рис. 3. «Крокодил». 1928. № 47

Следующая картинка опубликована в предпоследнем декабрьском (№ 47) номере «Крокодила» (на третьей неделе декабря) (рис. 3). На ней изображено больше, чем было известно из официальных источников. На ноябрьском пленуме ЦК партии еще ничего не было сказано о «платформе» правых. Однако публикация в журнале «Крокодил» дает основание предполагать, что в период между Пленумом ЦК в ноябре 1928 г. и речью Сталина в начале 1929 г. вопрос о том, что «платформа» существует, уже был решен!

На рисунке 4 [Козлинский 1928, с. 2] изображено «равенство» платформ, хотя на ноябрьском пленуме ЦК (1928) бесконечно подчеркивали, что троцкизм – это внепартийное течение, по сути своей контрреволюционное, оно заслуживает подавления, а «правый уклон» – не платформа, не устойчивое сопротивление решениям ЦК партии, а только колебание настроений. Однако на рисунке в платформу «левых» вбит осиновый кол, на котором как знак смерти сидит угрюмый черный ворон.

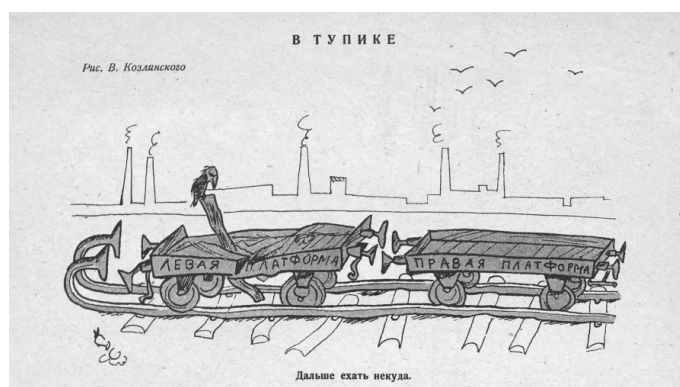

Рис. 4. Крокодил. 1928. № 47

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Казалось бы, это ясно указывает на группу Бухарина – еще до выступления Сталина. Но, чтобы так не подумали в том же номере публикуется удивительный рисунок, который утверждает прямо противоположную мысль о том, что Сталин с Бухариным не ссорились, а слухи об этом распускают троцкисты [Ротов 1928, с. 8] (рис. 5). Такая иезуитская постановка вопроса косвенно указывает на источник дезинформации – сталинский идеологический аппарат.

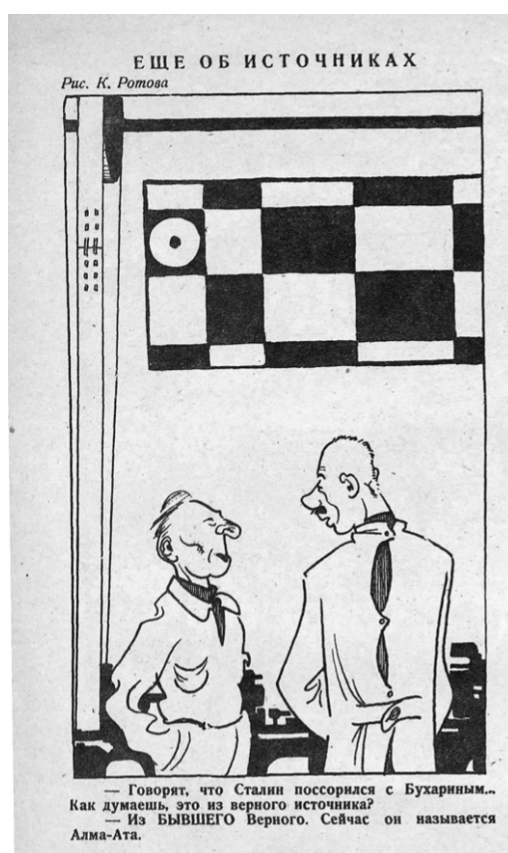

Рис. 5 «Крокодил». 1928. № 47

Так же хитро вел себя Сталин на ноябрьском пленуме ЦК. Когда все ожидали, что вот-вот начнутся кадровые репрессии против колеблющихся коммунистов, их взял под свою «защиту» Сталин. Более того, он утверждал, что не верит в то, что колеблющиеся большевики создадут фракцию. Они выполняют все решения партии, какие бы оттенки мнений ни существовали.

«Есть ли у правых уклонистов фракция? *Я думаю, что нет.* Можно ли сказать, что они не подчиняются решениям нашей партии? *Я думаю, что у нас*

нет еще оснований обвинять их в этом. Можно ли утверждать, что правые уклонисты обязательно сорганизируются в свою фракцию? Я в этом сомневаюсь. Отсюда вывод: основным методом борьбы с правым уклоном должен быть у нас на данной стадии метод развернутой идеологической борьбы. Это тем более правильно, что среди некоторых членов нашей партии имеется обратная тенденция – *начать борьбу с правым уклоном не с идеологической борьбы, а с оргвыводов*. Они прямо говорят: ты дай нам правых этак человек 10 или 20, мы их расклюем мигом и покончим таким образом с правым уклоном. Я думаю, товарищи, что такие настроения неправильны и опасны. Именно для того, чтобы не плыть по таким настроениям, а поставить борьбу с правым уклоном на правильные рельсы, именно поэтому необходимо сказать ясно и решительно, что основным методом нашей борьбы с правым уклоном является на данной стадии борьба идеологическая» [Как ломали нэп 2000 в, с. 221].

К этой мысли, что административный аппарат ожидает команды на расправу с «правыми», Сталин вернулся еще раз и подчеркнул: «не время еще»: ибо снять легко, а вы еще идеологически «не потрудились».

«Я вижу улыбку авгура на лицах некоторых товарищей. Это нехорошо, товарищи. Я вижу, что у некоторых из вас имеется неудержимое желание поскорей снять с постов тех или иных выразителей правого уклона. Но это не решение вопроса, дорогие товарищи. Конечно, снять с постов легче, чем повести широкую и осмысленную разъяснительную кампанию о правом уклоне, о правой опасности и о борьбе с ней. Но самое легкое не есть самое хорошее. *Потрудитесь-ка* организовать широкую разъяснительную кампанию против правой опасности, *потрудитесь* не жалеть на это времени, и тогда вы увидите, что чем шире и глубже кампания, тем хуже для правого уклона. Вот почему я думаю, что центром нашей борьбы против правого уклона должна быть борьба идеологическая» [Как ломали нэп 2000 в, с. 222].

Обстановка в партии была напряженной – развязку ждали многие. В.В. Ломинадзе цитировал на ноябрьском пленуме выступление А.М. Лежавы в Госплане, говорившего: «...в партии развивается какой-то психоз, когда начинают за отдельными словами, за отдельными ошибками видеть “правый уклон”» [Как ломали нэп 2000 в, с. 234]. Ломинадзе был одним из тех, кто жаждал расправы и поэтому комментировал слова Лежавы так: «Для правых было, конечно, очень недурно, если бы на отдельные слова и отдельные ошибки никто не обращал никакого внимания» [там же].

В декабрьском номере журнала «Крокодил» был опубликован очерк Грамена под названием «Специалист». В легкой сатирической форме передается атмосфера борьбы с уклонами. Пожилая гражданка пришла по объявлению к «специалисту», который обозначил свою деятельность так: «Пришиваю уклоны. Выполнение аккуратное и с ручательством. Могу не взирать на

лица. Звонить пять раз». Женщина сообщила, что хотела бы наказать «уклоном» своего зятя, бросившего ее дочь.

«– А может, ты и порчу умеешь напущать или килу сажать?.. Это-б то и еще мне сподручней было, кормилец!

– Опиум для народа, – мрачно сказал специалист. – Суеверный пережиток. Нынче не то что порчу, – ныне даже демагогию или бузотерство бесполезно пришивать человеку: при самокритике недействительно! Опять же, при современном состоянии медицинских познаний от всякой порчи очень просто можно и вылечиться...

– А от уклона нельзя?

– От пришитого-то? – удивился специалист. – Тю!.. Если у которого настоящий уклон, тот, конечно может раскаться или одуматься, и дело с концом. А с пришитым уклоном что же поделаешь? Каяться-то не в чем: иному и невдомек, что уклон пришили ему... Тут уж – святое дело! Одно только смущает меня: зятю пришивать...

Посетительница умильно сложила руки и взмолилась:

–Уж не оставь, отец! Зять-то он зять, да вить какой зять-то: сбежавший вить зять!..

– Не в том суть, – пояснил специалист. – Обыкновенно ко мне ходят какие клиенты приходят? Завы, например, директора или зажимистые секретари. Если, например, товарищ в самокритике резок или против твердого списка возражает, или в рабкорстве замечен, – ну, вот, такому и требуется уклон пришить в целях обезврежения. Дело общественное! А ты по личному старобытному делу пришла, убогая.

Посетительница испустила умоляющий вздох. Специалист подумал и сказал:

– Ну, да уж ладно: зятю, так зятю! Дело-то, в общем-целом, нехитрое. Какой твой зять из себя: толстый, тонкий?

– Да комплекция-то его чем тут касаемая? – удивилась клиентка.

– Не твоего ума дело! Ты, престарелая,образи: если, например, человек из себя с полнотцой, одевается чистенько, на лице благодущие, то можно разве левый уклон ему шить? Неправдоподобно получится. Такому правый уклон подходящий, а худому, востроносому, горячему на слова – тому левый, конечно. Тут уже техника. Твой-то к каким приближается?

– Мой-то – задумалась клиентка. – Как бы тебе не соврать, отец?.. Мой-то из средних, пожалуй. Не худой, не полный, с козлиной бородкой...

– Так. Интеллигентность в лице имеется?

– Как же, батюшка, не иметься? На интеллигентность-то доченька моя и польстилась!

– Гм... Козлиной бородке с интеллигентностью – ей, пожалуй, лучше всего примиренчество припать! В какой ячейке?

– Чего?

– В какой партиячке, спрашиваю, твой зять состоит?

– Ни в какой ни ячейке он, – оторопело сказала клиентка. – Беспартийный. Сроду в партиях никаких не состоял. Что ты!

Специалист встал, поморгал, досадливо скривил рот – и указал пальцем на дверь.

– Ступай. Сколько времени у занятого человека зря отняла, бестолочь старая! Как же я беспартийному гражданину партуклон могу пришивать? Тьфу, отрывка ты несознательная!..» [Грамен 1928, с. 2].

Помимо двух уклонов, «левого» и правого, был еще один уклон – «примиренчество». Борьба с этим явлением шла с размахом. Сталин культивировал это понятие, чтобы заставить подчиняться «генеральной линии» партии беспрекословно, не раздумывая. Если человек говорил, что он нейтрален, то это означало, что он скрывает от партии правду и не готов бороться, например, с правым уклоном, не говоря уже о троцкизме.

В декабрьском номере журнала «Крокодил» был опубликован сатирический очерк Б. Самсонова «Разговор двух дам». Чтобы что-то высмеять, надо сначала создать реалистическую картину привычного быта. В результате сатирическая канва рассказа становится лишь слегка преувеличенной реальностью мыслительной деятельности людей того времени:

«– Куда вы пропали? Совсем не видно...

– И не говорите! Кручусь, как белка в колесе... Надо быть в курсе! Сегодня, наконец, выяснилось, что Петр Петрович считается безусловно примиренцем!

– Определенно! Михал Михалыч сказал...

– Кошмар! А Сергей Сергеевич одно время ориентировался на него!

– Ну, примиренец не так страшно: уклон – хуже.

– Надо бы еще – уклон! И к чему все это! Неужели нельзя и так работать?

– Тяжело, тяжело! Я все думаю о своем Юрочке. Бедный ребенок. Подрастет – сколько ему уклонов надо будет зубрить. Раньше были отзовисты да ликвидаторы – и то трудно...

– Говорят – еще теченье открылось – недоумевающие!

– Господи! Это что ж такое – правее шатающихся?

– Нет. Нет немного левее замазывающих. Вроде как даже уклон в зачатии.

– Час от часу не легче! Не знаешь, на кого и ориентироваться.

– Нужно всегда в таких случаях выжидать.

– Что вы, что вы! Получится примиренчество.

– Почему же? В том-то и дело, что нужно выжидать быстро. Как при посадке в трамвай. Умный человек спрячется за чью-нибудь спину, а когда вагон подойдет и положение выяснится – выскочит сразу вперед.

– Я считаю тут в общем недостаток руководства. Объявили бы сразу и заблаговременно, где уклон или колебание, – и всякий бы знал.

– Конечно! Объявил же Моссовет, чтобы прохожие держались правой стороны.

– Ну, с этим тоже не совсем удачно получилось.

– Кстати – не знаете, где достать гагачьего пуха на пальто?

– Представьте себе – тоже ищу. Вот вам и тяжелая индустрия! В принципе я, конечно, за, но когда нужно шить пальто, начинаю сомневаться. Надеюсь – между нами?

– Разумеется... Но кого мне особенно жаль, так это обывателей. Нам-то хорошо. Мы в курсе. Иной раз и то голову теряешь. А обыватель, бедняга, разобраться совершенно не может. Марья Ивановна, например, можно сказать, актив, а и то считала Федора Федоровича в колеблющихся, когда он шагающий!

– Что же с обывателя спрашивать. Питается слухами да анекдотами. Да! Вы слышали новый анекдот о Максиме Петровиче?

– Насчет дискуссии и оргвыводов?

– Нет. Тот – старый. Есть уже другой.

– Нет, не знаю... Расскажите, расскажите.

– Идемте. Здесь неудобно.

Они оглянулись и пошли в мужскую уборную.

Почему в мужскую? Вполне естественно. Они были дамы по существу, а по форме – самые обыкновенные мужчины – с усами, бородой, в брюках и пиджаках и с огромными портфелями» [Самсонов 1928, с. 7].

Реальные расхождения со Сталиным у Бухарина начались давно, но их отношения обострились во время июльского Пленума ЦК партии 1928 г., на котором Сталин произнес тезис, отбросивший партию и страну во времена Гражданской войны. Он сказал о «дани», которой необходимо обложить крестьянство, чтобы обеспечить создание тяжелой индустрии в СССР.

«С крестьянством у нас обстоит дело в данном случае таким образом: оно платит государству не только обычные налоги, прямые и косвенные, но оно еще переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары от промышленности – это во-первых, и недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты – это во-вторых. Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии, обслуживающей всю страну, в том числе крестьянство. Это есть нечто вроде “дани”, нечто вроде сверхналога, который мы вынуждены брать временно для того, чтобы сохранить и развить дальше нынешний темп развития индустрии, обеспечить индустрию для всей страны, поднять дальше благосостояние деревни и потом уничтожить вовсе этот добавочный налог, эти “ножницы” между городом и деревней. Дело это, что и говорить, неприятное. Но мы не были бы большевиками, если бы замазывали факт и закрывали глаза на то, что без этого добавочного налога на крестьянство, к сожалению, наша промышленность и наша страна пока что обойтись не могут» [Как ломали нэп 2000 а, с. 354].

Фактически это был возврат к теории «первоначального накопления» Преображенского, сильно раскритикованной в свое время всеми политическими группировками.

Бухарин ощущал крах этой политики, и неосторожно пришел к Льву Каменеву ночью 11 июля 1928 г., чтобы поделиться своими тревогами и наметить выход из труднейшей ситуации. Его слова показывают, насколько глубоко Бухарин понимал действия и мотивы Сталина. Но он не знал и не понимал, как ему можно и нужно противостоять.

Каменев едва ли не слово в слово записал этот разговор с Бухариным и затем отправил письмо Г. Зиновьеву, в котором все подробно изложил. Каким-то образом письмо оказалось в реально действующей троцкистской оппозиции. Троцкисты стали распространять его как «воззвание» на заводах и фабриках в январе 1929 г. Не исключено, что вся эта история попадания письма в руки троцкистов, продолжавших подпольную деятельность, была заранее продуманной провокацией, чтобы нанести смертельный удар по Бухарину и его группе «правых».

Описание Бухариным конфликта со Сталиным на тайной встрече с Каменевым выглядит весьма убедительным раскрытием механизма сталинской пропаганды. «Беспринципный интриган» Сталин подчиняет всех себе при помощи расставленных заранее «ловушек» в виде «уклонов» и обвинений в «расколе».

Сатирический очерк «Специалист» в журнале «Крокодил» интуитивно определил ту же сущность наступающей сталинской эпохи, о которой говорил Бухарин. В очерке придуманный «специалист» «пришивает» уклоны, – смешно! Но Бухарин в ночном разговоре с Каменевым сказал о Сталине также: «...ловит, пришивает уклоны». Теоретик партии Бухарин, умнейший стратег, не знал, что можно противопоставить манипуляциям Сталина, и был в полном отчаянии.

Бухарин говорил Каменеву: «Выступить – зарежет по статье о расколе. Не выступать – зарежет мелкой шахматной игрой, да еще свалит, взвалит ответственность, если хлеба в октябре не будет» [Как ломали нэп 2000 с, с. 561].

Нет ни единого шанса что-либо противопоставить Сталину в виде идеологического аргумента: «Мы скажем: вот человек, который довел страну до голода и гибели. А он – они защищают кулаков и нэпманов» [Как ломали нэп 2000 с, с. 562].

Бухарин понял, хотя и поздно: «Партия и государство слились – вот беда» [там же].

В троцкистском воззвании (январь 1929 г.) говорилось: «Кампания против правых построена на фальши, на умалчиваниях, на дипломатических увертках. Партию и на этот раз ведут с закрытыми глазами, не говоря ей, куда хотят вести ее. В своей речи на пленуме МК и МКК 19 октября Сталин

заявил: “Ну, а как в Политбюро? Есть ли в Политбюро какие-либо уклоны? В Политбюро нет у нас ни правых, ни левых, ни примиренцев с ними. Это надо здесь сказать со всей категоричностью. Пора бросить сплетни, распространяемые недоброжелателями партии и всякого рода оппозиционерами о наличии правого уклона или примиренческого отношения к нему в Политбюро нашего ЦК”. Несмотря на всю категоричность этого утверждения, оно фальшиво и ложно с начала до конца. Если партийная масса остается в неведении, то всякий сколько-нибудь осведомленный аппаратчик знает, что кампания против правых затеяна и проводится как подготовительная кампания против трех членов Политбюро: Рыкова, Томского и Бухарина. Весь смысл кампании состоит в том, чтобы запугать возможных сторонников этой тройки и таким образом облегчить Сталину организационную расправу над нею» [Как ломали нэп 2000 с, с. 558].

Но суть дела не только в том, что Сталин умело расставлял «ловушки» для своих политических врагов, а в том, что сама мыслительная деятельность большевиков создавала условия для манипуляции «уклонами». Обладая даром схоластического ума, имея способностями к суггестии, Сталин, как никто другой, мог играть в свою пользу этими мифическими конструкциями без определенных значений.

На июльском пленуме ЦК партии в 1928 г. неразбериха в вопросе, кто левый, а кто правый, была особенно заметна.

Д.З. Мануильский говорил о «правых уклонах» в международном коммунистическом движении. Л.М. Каганович не сразу понял, о каких уклонах идет речь – левых или правых. Мануильский ответил, что в различиях между левыми и правыми очень легко запутаться!

Но тут важна реплика Сталина, который в этих хитросплетениях разбирался лучше всех: «На определенном этапе развертывалась борьба между разными течениями, на борьбе с правыми уклонами наши партии большевизировались; принципиальная борьба против правых уклонов должна проводиться и в будущем, но часто группы сохранились по инерции. Принципиальных разногласий больше нет, а групповая борьба приняла такие ожесточенные формы, как никогда. В этом отношении эти группы являются готовым скелетом для того, чтобы искусственно наматывать “разногласия” и “платформы”. Коминтерн должен принять меры, чтобы остатки этих групповых настроений ликвидировались, особенно, например, в такой партии, как польская партия. Там в прошлом имелись правые и ультралевые уклоны, но я часто ставлю вопрос, что опаснее в Польше: сдрейфит ли польская партия в случае войны или окажется фактически несуществующей, потому что она раздерется. Я считаю второй момент более вероятным. Нужно поэтому твердой рукой немного осадить эту групповую борьбу внутри наших партий.

Каганович. Левых или правых? Кого?

Мануильский. И тех, и других, потому что если вы хотите, тов. Каганович, найти правых и левых, то вы при самом добросовестном отношении можете запутаться. В том-то и дело, что получается крайне путаная география фракций, такая комбинация, что, например, майские ошибки совершили в Польше и правые и левые. По вопросу, на кого ориентироваться, ориентироваться ли на все крестьянство или ориентироваться на бедноту и середняков, крепить союз с середняком, прочно опираясь на бедняка, например в Белоруссии правые поддерживали правильную политику, а левые считали, что мы должны вести всю деревню за собой.

Сталин. Перепутали» [Как ломали нэп 2000 а, с. 43–44].

На том же июльском пленуме ЦК ВКП(б) Бухарин критично высказался о психологии китайских революционеров, но, судя по всему, не ради того, чтобы вспомнить негативный опыт революции Китая, а для того, чтобы предупредить большевиков о повторении подобного сценария политической борьбы, который возможен, если опираться на «формально-логические» определения того, кто в партии «оппортунист». Сам когда-то крайне левый, склонный даже к жестокости, Бухарин едва ли не впервые почувствовал опасность стать «оппортунистом», согласно сталинской технологии компрометации личных врагов.

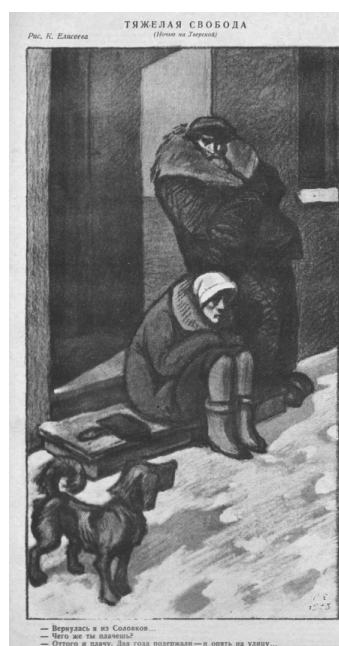
Это было сказано Бухариным 5 июля 1928 г. на пленуме ЦК, за неделю до тайной встречи с Каменевым, он сказал: «Из разговоров с целым рядом товарищей я убедился, что это стоит в связи с некоторыми навыками их мышления, в связи с их своеобразной философией, в связи с наследием прежних культур и цивилизаций, которые над ними тяготеют. Мы обосновали совершенно правильно борьбу с оппортунизмом в Китае. Но нужно знать, что там происходит на этой почве. Вот, например, в Гаундунской организации появилась группочка китайских товарищей, они решили, что руководство в этом округе оппортунистическое. Моментально добывают оружие и хотят истребить это руководство.

Голос. Как истребить?

Бухарин. Физически истребить, расстрелять. Но в это время “руководство” узнает о появлении такой группки и истребляет ее, всех до одного. Вот как идет иногда борьба с оппортунизмом в Китае. (Смех). Или другой случай, рассказанный мне одним китайским рабочим в присутствии других товарищей. Вот, говорит, призывают меня в райком и разъясняют мне, что оппортунизм имеет свои социальные корни, что в партию рабочего класса приходят выходцы из других социальных слоев, которые заражают идеологию партии. Положение правильное. Но “оргвыводы” из этого делаются весьма своеобразные. Райком призывает этого рабочего и говорит: вот эту товарку ты должен расстрелять. Рабочий спрашивает: “За что? Она хороший товарищ!” – “Товарищ она хороший, но она происходит из джентри” – “Так за что же ее расстреливать?” – “Ты должен ее расстрелять, а если боишься это сделать –

ты оппортунист”. И чтобы не получить клейма оппортунизма, он ее расстреливает. Но тут же я должен прибавить: если вы возмущаетесь такими методами “борьбы с оппортунизмом”, не забудьте прибавить, что из вашего возмущения отнюдь не следует прекращение борьбы с оппортунизмом вообще, т.е. другими методами, и притом борьбы с действительным оппортунизмом, а не с его фантастической картиной. Если вы не сделаете всех необходимых оговорок – будет тоже плохо. При обобщениях и формулировках задач, определении тактики нужно ставить перед китайскими товарищами разные загородки для того, чтобы ими не были сделаны выводы чересчур прямолинейные, формально-логические» [Как ломали нэп 2000 а, с. 109–110].

В декабрьском номере «Крокодила» за 1928 г. была опубликована несколько двусмысленная, но устрашающая картинка (рис. 6) [Елисеев 1928, с. 10].

Рис. 6. «Крокодил». 1928. № 45

Едва ли кто-нибудь, кроме перепуганного насмерть Бухарина, понимал до конца, какое тяжелое будущее постигнет страну в случае, если Сталин начнет новую гражданскую войну за ускоренную индустриализацию, подавляя неизбежные восстания и ввергая страну в голод и разруху. В картинке передано ощущение нависшей большой беды. Так иногда художники-сатирики, и сами того не понимая, угадывали будущее.

Библиография

Анфертьев И.А. Модернизация советской России в 1920–1930-е годы: программы преобразований РКП(б) – ВКП (б) как инструменты борьбы за власть: монография. М.: ИНФРА-М, 2020. 593 с.

Грамен. Специалист // Крокодил. 1928. № 45. С. 2.

Елисеев К. Тяжелая свобода (ночью на Тверской) // Крокодил. 1928. № 45. С. 10.

Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. В 5-ти томах. М.: МФД, 2000 а. Том 2. Пленум ЦК ВКП (б) 4–12 июля 1928 г. 719 с.

Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. В 5-ти томах. М.: МФД, 2000 б. Том 3. Пленум ЦК ВКП (б) 16–24 ноября 1928 г. 663 с.

Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. В 5-ти томах. М.: МФД, 2000 с. Том 4. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 16–23 апреля 1929 г.

Козлинский В. В тупике // Крокодил. 1928. № 47. С. 2.

Ротов К. Еще об источниках // Крокодил. 1928. № 47. С. 8.

Самсонов Е. Разговор двух дам // Крокодил. 1928. № 45. С. 7.

Сталин И.В. Сочинения. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949., Т. 11: 1928 – март 1929. 381 с.

Reference

Anfert'ev I.A. Modernizaciya sovetskoy Rossii v 1920–1930-e gody`: programmy` preobrazovaniy RKP (b) – VKP (b) kak instrumenty` bor'by` za vlast`: monografiya [Modernization of Soviet Russia in the 1920 s – 1930 s: programs of reforms of the RCP (b) – VKP (b) as instruments of struggle for power: monograph]. Moscow: INFRA-M, 2020. 593 p. (In Russ.)

Gramen. Specialist [Specialist] // Krokodil [Crocodile]. 1928. N 45. P. 2.

Eliseev K. Tyazhelaya svoboda (noch`yu na Tverskoj) [Heavy Freedom (at night on Tverskaya)] // Krokodil [Crocodile]. 1928. N 45. P. 10. (In Russ.)

Kak lomali ne`p. Stenogrammy` plenumov CzK VKP (b) 1928–1929 gg. V 5-ti tomah [How the NEP was broken. Transcripts of the Plenums of the Central Committee of the VKP (b) 1928–1929. In 5 vols.]. Moscow: MFD, 2000 a. Vol 2. Plenum CzK VKP (b) 4–12 iyulya 1928 g. 719 p. (In Russ.)

Kak lomali ne`p. Stenogrammy` plenumov CzK VKP (b) 1928–1929 gg. V 5-ti tomah [How the NEP was broken. Transcripts of the Plenums of the Central Committee of the VKP (b) 1928–1929. In 5 vols.]. Moscow: MFD, 2000 b. Vol. 3 Plenum CzK VKP (b) 16–24 noyabrya 1928 g. 663 p. (In Russ.)

Kak lomali ne`p. Stenogrammy` plenumov CzK VKP (b) 1928–1929 gg. V 5-ti tomah [How the NEP was broken. Transcripts of the Plenums of the Central Committee of the VKP (b) 1928–1929. In 5 vols.]. Moscow: MFD. 2000 c. Vol 4. Ob``edinenny`i plenum CzK i CzKK VKP (b) 16–23 aprelya 1929 g. 767 p. (In Russ.)

Kozlinskij V. V tupike [At a stalemate] // Krokodil [Crocodile]. 1928. N 47. P. 2. (In Russ.)

Rotov K. Eshhe ob istochnikax [More about sources] // Krokodil [Crocodile]. 1928. N 47. P. 8. (In Russ.)

Samsonov E. Razgovor dvux dam [A conversation between two ladies] // Krokodil [Crocodile]. 1928. N 45. P. 7. (In Russ.)

Stalin I.V. Cochineniya [Essays]. M.: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury` [State Publishing House of Political Literature], 1949. Vol. 11: 1928 – mart 1929. 381 p. (In Russ.)